

Къ исторіи едосѣвскаго толка ¹⁾).

Эпитеть „странствующихъ“ ²⁾ или „странныхъ“ ³⁾ христіанъ, данный поморцами едосѣвцамъ, можетъ быть приложенъ къ послѣднимъ во второй четверти XVIII вѣка болѣе чѣмъ когда либо. Это было время, такъ сказать, разсѣянія едосѣвщины, разсѣянія ея учителей и руководителей. Въ то время какъ у поморщины продолжалъ крѣпко стоять ея Іерусалимъ—Выговская пустынь, собирая вокругъ себя всю „церковь“,—центръ едосѣвщины на протяженіи какихъ-нибудь 15-ти лѣтъ ея самостоятельнаго существованія уже нѣсколько разъ перемѣщался отъ Польши до Рязиной мызы. Особенно не посчастливилось едосѣвщинѣ въ Рязинскомъ разгромѣ. Спасшіеся отъ поимки рязинскіе наставники принуждены были разойтись „по своимъ странамъ, откуда кто бѣше“ ⁴⁾. Правда, едосѣвщина къ этому времени была уже настолько сильна и количественно и духовно, что подобный разгромъ ея главнаго гнѣзда не могъ вести за собой уничтоженія самого толка,—однако временный упадокъ былъ неизбѣженъ.

Значительная масса Рязинскихъ насельниковъ послѣ разрушенія въ 1719 году этой мызы переселилась опять въ Польшу „понеже тамо древлецерковные законы содержати пришьельцемъ воля даяшеса“ ⁵⁾. Сюда скрылись и многіе

¹⁾ Продолженіе. См. Сентябрь, 135—148 стр.

²⁾ Напр. въ посланія А. Д. въ Ряз. мызу—въ ркп. И. П. Б. О I, № 369, л. 82.

³⁾ Въ „Примирит. письмъ“ А Д отъ С Авг 1727 г—см въ ркп. И. П. Б. О I, № 358, л. 157.

⁴⁾ Житіе Ф. В—ва, стр. 92.

⁵⁾ Ibid.

учители—напр. Евстратъ Ѳедосѣевъ съ дядей своимъ Егоромъ, Терентій Васильевъ, Иванъ Бедра и др. Григорій Яковлевъ въ своемъ „Извѣщеніи праведномъ“ говоритъ, что Евстратъ „забѣжалъ въ Польшу за рубежъ“ до какого то „пана Эльзана“¹⁾. Гдѣ были земли этого пана—мы не знаемъ, но съ большою вѣроятностью можно сказать, что это мѣсто побѣга находилось гдѣ либо въ предѣлахъ той же теперешней Витебской губерніи, гдѣ раньше жилъ и Ѳеодосій Васильевъ. Здѣсь, въ Польшѣ, по свидѣтельству того же Григорія Яковлева, пришедшіе „наки построиша себѣ жилища мужскія и женскія, обительми именующе“²⁾. Эти „обители“, благодаря настоятельству въ нихъ общепризнанныхъ Ѳедосѣевскихъ отцовъ, сдѣлались теперь еще болѣе привлекательною „тихою пристанью“ для утлаго челна Ѳедосѣевского древляго благочестія. И дѣйствительно, какъ мы уже видѣли изъ дѣла Саблина, Ѳедосѣевская колонизація Польши выходцами изъ Новгородско-Старорусскихъ предѣловъ происходила въ большихъ размѣрахъ и организована была обстоятельно. Сюда то и удалился въ 1724 году Игнатій Трофимовъ.

Послѣ того, какъ вновь сограждены были внѣшніе „стѣны и покровъ“ польскихъ обителей, у отцовъ и учителей тамошнихъ неизбѣжно должна была опять проявиться какъ-либо и ихъ вѣроучительная работа. Направить эту работу по извѣстному руслу выпало на долю тому же Игнатию Трофимову.—Въ новой обстановкѣ онъ очутился теперь—не среди простецовъ поселянъ, которые нуждались въ религіозномъ наученіи, руководствѣ и авторитетѣ, а въ средѣ главныхъ Ѳедосѣевскихъ отцовъ и богословцевъ. Прежде—на родинѣ—его прямымъ дѣломъ была пропаганда древляго благочестія. Если по временамъ и имѣла мѣсто въ этой его дѣятельности полемика, то она несомнѣнно являлась достаточною, не выходя изъ рамокъ элементарности по содержанию и стереотипности по выраженію. Жизнь въ глуши, жизнь бродячая, полная тревогъ и опасностей гонительныхъ, полная миссіонерскихъ подвиговъ, не оставляла тогда Игнатию много времени для самостоятельныхъ теоретическихъ заня-

¹⁾ Извѣщ. праведное, стр. 119.

²⁾ Ibid.

тій богословскими вопросами. Не давала она ему и возможности слѣдить и принимать непосредственное участіе въ тѣхъ—хотя бы и небольшихъ—шагахъ, которые богословская мысль его единовѣрцевъ учителей могла сдѣлать. Въ Польшѣ для всего этого явилась полная возможность.

Поселившись въ Польшѣ, Игнатій несомнѣнно не зналъ во всѣхъ подробностяхъ состоянія такого возможнаго въ полемикѣ между Ѧдосѣвцами и поморцами вопроса, какъ вопросъ о титулѣ на Крестѣ Христовомъ. Теперь же ему пришлось познакомиться съ тою неопредѣленностью положенія, которая создалась по этому спорному вопросу послѣ Рязинскаго собора 1716 года, когда Ѧдосѣвцы, не принимая поморскаго надписанія, признали однако возможность спасенія и при поклоненіи крестамъ съ надписаніемъ „Ц. С. І. Х. ни-ка“ ¹⁾. Желаніе опредѣленно выяснить этотъ вопросъ несомнѣнно у польскихъ отцовъ—дѣятелей собора 1716 года—существовало, такъ какъ раздоръ смущалъ ихъ всѣхъ. Нуженъ лишь былъ такой человѣкъ, у котораго разстояніе между мыслями, словами и дѣлами не было бы очень большимъ. А такимъ всегда и заявлялъ себя Игнатій Трофимовъ. И въ данномъ случаѣ ему именно судьба судила желаніе сердца польскихъ отцовъ превратить въ дѣло. Какъ человѣкъ „миролюбивый и почитавшій раздоръ церковный за тяжкій грѣхъ“ ²⁾, онъ не могъ не задуматься сильнѣе, чѣмъ всѣ другіе, надъ такимъ растерзаніемъ мира отеческаго.

Миссіонерство и всегда было его стихіей. Но миссію среди никоніанъ ему теперь уже пришлось по необходимости и физической невозможности оставить до времени. И вотъ его взоры обращаются на поморцевъ. Имѣло здѣсь для Игнатія значеніе несомнѣнно и то обстоятельство, что никоніанство въ его цѣломъ по представленію старообрядцевъ уже окончательно „оттекло отъ тѣлеси Церкви“,—что по отношенію къ нему было ничуть не грѣшно ограничиваться позиціей еврея въ отношеніи къ язычникамъ и мытарямъ... Между тѣмъ поморцы были хотя и заблуждающіеся, но все-таки чада

¹⁾ См. „Христ Чтеніе“—1906 г., Ноябрь, стр. 705

²⁾ П. Д. „Словарь старовѣрч. Церкви“—Игнатій Трофимовъ.

древлеправославнаго исповѣданія. Объекты для миссіонерской дѣятельности Игнатію, такимъ образомъ, нашлись, и „мужъ подвижный въ созиданіи Церкви“ въ немъ опять сказался. Съ юношескимъ жаромъ онъ рѣшилъ воспріять „великій подвигъ о примиреніи церковнымъ“¹⁾. Лучшимъ средствомъ для осуществленія такого примиренія была конечно личная бесѣда съ поморцами. Когда о такой бесѣдѣ возникла въ Польшѣ мысль, то Игнатій—м. б. самъ и подавшій ее—и былъ уполномоченъ „по совѣту отцовъ“²⁾ совершить поѣздку въ Поморье, чтобы тамъ побесѣдовать съ заблуждающимися, обратить ихъ, если можно, на путь истины и такимъ образомъ примирить двѣ враждующія вѣтви единой древнеправославной церкви.

Приблизительно весною—или въ началѣ лѣта—1727 года Игнатій явился въ Москву³⁾. Неизвѣстно—что было цѣлью этого его прибытія: обычная ли пропаганда, или обысканіе о титулѣ на крестѣ Христовомъ по Московскимъ святынямъ, или другія какія либо нужды... Единовѣрцы здѣсь ему, между прочимъ, сообщили, что Московскій наставникъ Никита Осиповичъ уже дѣлалъ частичную попытку примиренія съ поморцами Даниловскаго края и съ этою цѣлью ѣздилъ туда къ тамошнему поморскому „настоятелю“ Теодору Калинычу⁴⁾, но что не только „не могъ мира такого и со-

1) „Книга отецъ завѣщаній“—ркп. Владимір Дух. семинаріи, № 75, л. 122.

2) Ркп. И. П. Б. О. I, № 443, л. 198 и обор.

3) Что Игнатій Трофимовъ предъ первой своей поѣздкой на Выгъ былъ въ Москвѣ, объ этомъ свидѣтельствуетъ „Краткое лѣтосчисленіе настоящаго вѣка“ (въ ркп. И. П. Б. О. I, № 1083, л. 269—270 об., см. л. 270-й), которое объ этомъ первомъ путешествіи прямо говоритъ: „пріѣзжалъ съ Москвѣ отъ едосѣвскихъ Игнатій Трофимовъ и примирилсъ“ (тоже и въ другой редакціи этого „Кр. лѣтосчисленія“—въ приложеніи къ „Извѣщенію праведному“ Гр. Яковлева—стр. 150) А что прибылъ въ Москву Игнатій не позже начала лѣта, это вытекаетъ изъ слѣдующихъ вычисленій:—Бесѣды въ Поморьѣ кончились къ 5 Августа; этихъ бесѣдъ было вѣскольکو (см. ркп. И. П. Б. О. I, № 443, л. 191 об. и ркп. Q. I, № 1026, л. 25)—слѣдовательно на нихъ нужно было извѣстное время. По пути въ Поморье Игнатій нѣкоторое время провелъ еще въ краяхъ Даниловскихъ, гдѣ тоже велъ бесѣды съ тамошнимъ поморскимъ наставникомъ Теодоромъ Калинынымъ (ркп. О. I, № 443, л. 190) Наконецъ нужно было время и на совершеніе самаго пути отъ Москвы до Выга.

4) Этотъ Теодоръ Калканинъ называется въ раск. литературѣ те „Даниловскихъ странъ учителемъ и настоятелемъ“ (см. напр. въ „Сказаніи

гласія устроить“, но даже „паче въ смущеніяхъ разлучи-

о нач. раздора“ стр 100 и 101; ср. ркп. И. П. Б. Q. I, № 1026, л. 35 и ркп. Владим. Дух сем. № 75, л. 187—„даниловской страны „настоятель“). то „Даниловскимъ жителемъ“ (П Любоп „Историч словарь“) и т. п.

Термины „Даниловскій“, „Даниловцы“ обыкновенно въ исторіи раскола являются синонимами названій „Поморскій“, „Поморцы“ (см напр. „Исторія рус. раскола“ преосв. Макарія (изд. 1855 г.), стр. 255, 263 и др.; Лилеевъ „Изъ исторіи раскола въ Старод. и на Вѣткѣ“—стр. 339 и др.; „Извѣщеніе праведное“ Григ. Яковлева, стр. 105—„Даниловцы на Выгу“; „Опис. док. и дѣлъ архива Св. Синода“, т II, ч. 1, стр 790—„Данилова пустынь, что за Онегою“; *ibid.* г II, ч. 2, стр 246—„Даниловская пустыня въ суземкахъ“,—и мн. др.). Но Ѳеодоръ Калининъ называется „Даниловскимъ учителемъ“ и „жителемъ“ не потому, что онъ жилъ на Выгѣ, хотя и его титулъ есть титулъ по мѣсту жительства. Изъ „письма“ Ѳ. Калинина въ Москву отъ 1757 года (въ ркп. И. П. Б, Q. I, № 443, л. 188—219) видно, что путь изъ Даниловскихъ странъ до Выга былъ не близкій:—Игнатій Трофимовъ проситъ напр изъ Данилова на Выгъ себѣ провожатыхъ (л 190); затѣмъ во время самой дороги солнце успѣло Ѳеодору Калинычу—несомнѣнно человѣку привычному къ зною—сжечь „и главу, и лице, и шею“ (л. 190); ѣхали миротворцы чрезъ Бѣлое озеро (л. 190)...

Даниловъ извѣстенъ одинъ—теперешній уѣздный городъ Ярославской губ., бывший до 1777 г. селомъ Даниловымъ (П. Семеновъ—„Географич. статистич. словарь Росс. имперіи“, СПБ. 1862 г, т. II, стр. 8). Здѣсь то именно и жилъ, очевидно, Ѳеодоръ Калинычъ. И самое направленіе пути миротворцевъ изъ Даниловскихъ странъ на Выгъ чрезъ Бѣлое озеро—т. е. на сѣверозападъ—заставляетъ предполагать пунктомъ отправленія ихъ мѣстность гдѣ либо къ юговостоку отъ Бѣлага озера, т. е. именно предѣлы Даниловскіе. Ксгати, П. Любопытный въ „Историческомъ словарѣ“ (см. „Ѳеодоръ Калининъ“) говоритъ, что Ѳеодоръ Калининъ „умеръ въ Даниловѣ въ селѣ Волосовѣ“ (село съ такимъ названіемъ и теперь есть на восточной границѣ Кирилловскаго у. Новгород губ.). Есть нѣкоторыя довольно точныя указанія на мѣсто жительства Ѳеодора Калиныча и въ вышеупомянутомъ его письмѣ въ Москву Приглашая Ѳедосѣевцевъ отмѣнить установленный ими „началь“ при принятіи поморцевъ и говоря, что этотъ „началь“ въ мѣстѣ его жительства „велю молву воздвизаетъ“, такъ что даже „женскій полъ“ начинаетъ „многослонити“ (л. 202), Ѳеодоръ Калинычъ прибавляетъ: „и о семь у насъ, и около насъ за Волгой въ келіяхъ и въ починкахъ и въ лѣсахъ, идѣ же обрѣтаются христіане, печалію и страхомъ снѣдаемы бывають, понеже аще отъ сосъда или отъ иного нѣкоего враждующаго, или десяцкому или соцкому во уши внесется, то скоро обнесутъ управителю, управитель же отошлетъ въ Любимъ или Кострому, или въ Москву или гдѣ присудствуется“ (л. 202 об —203). Такимъ образомъ, Волга отъ мѣста жительства Ѳеодора Калиныча находится не далеко, правительственными центрами являются

лися“ ¹⁾. Тогда Игнатій рѣшилъ отправиться въ Поморье именно чрезъ эти Даниловскіе предѣлы, чтобы по пути сначала постараться здѣсь исправить неудачу товарища и „взыскать мира“ ²⁾.

Искренность его рѣчей въ Даниловѣ расположила всецѣло въ его пользу здѣшнее общество поморское и самого настоятеля Феодора Калиныча. „И разсмотримъ—писаль послѣдній въ 1757 году въ Москву—яко мужъ добраго нрава, и распознахомъ яко кромѣ всякаго злохитрства и смущенія, того вси которіи тогда еще были и старіи искуснии ученія мужіе божественнымъ книгамъ, усмотривше что весьма душенолезными бесѣдами его, и возжелѣвше вси купно мира церковнаго, и единомудреннаго согласія“ ³⁾. Въ концѣ бесѣды „такъ рѣкоша, аще обрящется въ которой либо части или половинѣ нѣкія недостатки: и въ чемъ либо явится недостатокъ который: или что отъ древнихъ отецъ пріяша, церковный обычай, и въ томъ другъ другу уступать и предавать непостижимымъ судьбамъ Божиимъ, чтобы учинить церковное согласіе“ ⁴⁾.

Достигши мира съ поморцами Даниловскими, Игнатій намѣревался отправиться дальше—въ Поморье, „чтобы купно учинить и съ поморскими отцы бесѣды и обысканія отъ Божественнаго Писанія“ ⁵⁾. Но дорога туда была ему незнакома. Поэтому онъ „нача просити въ поморіе провожатыхъ“. Самъ Феодоръ Калинычъ и еще четыре человекъ согласились сопутствовать миротворцу. Предъ выѣздомъ всѣ вмѣстѣ и помолились. Былъ „качонъ Петрова дни“. Стояли „самыя нестерпимыя жары“—по словамъ Калиныча“. И я многогрѣшный—читаемъ въ его письмѣ 1757 года—въ тѣя жары, страха ради не исходилъ нигдѣ никогда, и всѣхъ насъ испалило.

Любимъ (другой гор Ярослав. губ., верстахъ 30—35 отъ Данилова), Кострома и Москва,—но не Петербургъ, куда скорѣе всего конечно былъ бы отосланъ раскольникъ съ Выга—Такимъ образомъ, мѣстожителство Ф. Калинина—Даниловская страна, въ которую отправился И. Трофимовъ по пути на Выгъ—есть теперешній г. Даниловъ Ярославской губ.

¹⁾ Письмо Ф. Калинина—ркп. И. П. Б. О I, № 443, см. л. 189 и обор.

²⁾ Ibid.—л. 189.

³⁾ Ibid.—л. 189 об.—199.

⁴⁾ Ibid.—л. 190 об.—191.

⁵⁾ Ibid.—л. 190—Изъ того же письма Ф. Калинина берется и дальнѣйшее.

ноипаче мене грѣшнаго безмѣры изожгло солнечный жаръ. главу и лице и шею, и отъ великаго таковаго жара распухла и глава и лице и шея, и отъ таковаго безмѣрнаго труда и зженія солнечнаго очи слѣпотю помрачишася у мене“. „На Белѣ озерѣ остановили“ путниковъ; они едва „изручились“ и откупились, такъ что „немало убытка содѣлалось“. Прибыли наконецъ въ Поморье.

Удивленные неожиданнымъ визитомъ, отцы поморскіе обрадовались ¹⁾, когда узнали о цѣли пріѣзда гостей, и составили соборъ ²⁾. Виднѣйшіе Выговскіе наставники приняли въ немъ непосредственное участіе, какъ напр. Андрей и Семень Денисовы, Давидъ Видуловъ, старецъ Филиппъ, старецъ Феодосій ³⁾ и др. Мысль о томъ, „еже обществомъ быти нераздѣльнымъ“ ⁴⁾, всѣми съ удовольствіемъ раздѣлялась въ принципѣ. Специальная цѣль пріѣзда Игнатія— примиреніе было давнишнею мечтой и Андрея Денисова.— И вотъ „предлежащимъ святымъ книгамъ“ ⁵⁾, теперь начались рѣчи и „совѣты“ о томъ, „что между ними раздоръ творить“ ⁶⁾. Въ деталяхъ содержаніе всѣхъ этихъ бесѣдъ неизвѣстно: извѣстно лишь, что разглагольствовали вообще долго и много ⁷⁾. Была напр. рѣчь „о чинѣхъ молитвенныя службы“.

¹⁾ Ibid—л. 191 об. „съ радостію пріѣша“

²⁾ „Сказаніе о нач раздора“.—Стр. 100.

³⁾ „Книга отеч. завѣщаній“—ркп. Владим семин № 75, гл. 13, л. 122 обор.

„Краткая исторія о соблазнахъ еодосіева согласія“ называетъ лишь троихъ первыхъ (ркп. И. П. Б. Q. I, № 443, см. л. 174).

⁴⁾ „Сказаніе о нач. раздора“—стр. 100.

⁵⁾ „Письмо Ф. Кал. въ Москву“—ркп. И П Б Q. I, № 443, см. л. 191 обор.

⁶⁾ „Сказаніе о нач. раздора“—стр. 100.

⁷⁾ „Краткая исторія о собл. еодосіева согласія“—ркп. И П. Б. Q. I № 443, см. л. 154.

— Нѣкоторыя подробности этихъ бесѣдъ можно почерпнуть изъ обнародованнаго по окончаніи ихъ—5 Августа 1727 года—т наз. „примирительнаго письма“.

Большіе или меньшіе отрывки этого письма есть во многихъ раскольническихъ рукописяхъ (см. напр. примѣчаніе 34 e, а также въ ркп. И. П. Б. Q. I, № 351, л. 206—224—первая, большая часть этого письма. Q. I, 368, л. 1—12—выдержки изъ первой части; ркп. Хлудовской библи. № 273, л. 390—402 обор.) Въ полномъ видѣ его можно читать въ ркп. И. П. Б. Q. I, № 353, на лл. 123—159

Поморцы оправдывали, какъ то было и раньше—при самомъ Θεодосіи Васильевѣ, свои чины тѣмъ, что они приняты ими

Начинается это „письмо“ такъ: „Собравіе въ показаніе желающихъ видѣти о надписаніи животворящаго креста, въ объявленіи же хуляти дерзающимъ не соизволяція писати четыре буквы І. Н. Ц. І. запялатово написаніе, писанное въ распятіе Христово тремя языки. еврейски, гречески, римски. Іс назарянинъ царь іудейскіи. Еже они умствующе, вмѣсто цѣлыхъ реченій, четырьмя буквами точію. и в' мѣсто трехъ языковъ единѣми словенскими исполнити. Вопросаеми же, кто когда отъ святыхъ по распятіи Христовѣ, оно пилатово написаніе на крестѣ четырьмя буквами вообрази; или въ коемъ церковномъ преданіи предадеся и засвидѣтельствовася тако писати; сего не показующе“ (л. 123 и обор.) Дальше идетъ масса разнообразнѣйшихъ свидѣтельствъ изъ книгъ древнихъ, опредѣленій соборовъ, отъ вещественныхъ памятниковъ и проч., въ доказательство древности и православія надписанія „Ц. С. І. Х. ни-ка“. „А глаголюція яко Святое Евангеліе—говоритъ авторъ письма—повелѣ писати (титлу Пилатову), придають тѣмъ, навъшереченныхъ бесчисленныхъ святыхъ оглаголаніе аки презрѣвшимъ Евангеліе Спаса Христа, и сами умудряющесе аки свыше ихъ отъ Евангелія ураумѣша писати: а на и паче отъ нѣкихъ таковы дерзостныя изъносятся рѣчи, могоша и древніи не узнати. А святое Евангеліе повелѣваетъ, чесо ради и не писати, Оле дерзостнаго здѣ гласа, зазоръ на отецъ насоснащаго“ (л. 137 обор.—138). Титлу Пилатову пишутъ на крестахъ—прибавляетъ авторъ—и лативяне, и вѣмцы, и нѣкониане. „ѣда и они лучше святыхъ познаша Евангеліе Спаса Христа!“—(л. 138 обор.) Правда, въ Евангеліи свидѣтельствуется, что титла на крестѣ написана была, но этимъ еще „повелѣнія и въ пред'будущее писати ненаписано“. Равно и Святые упоминають „о ономъ сказаніи“ Евангельскомъ, „но обаче на животворящемъ крестѣ надписаніе не Пилатовыми рѣчми, но якоже ихъ Духъ Святыи просвѣти тако богословно Спасу Христу на крестѣ изобразаша, якоже выше облакъ свидѣтельствъ достовѣрныхъ показухомъ“ (л. 138 обор.—139) И мы—говоритъ авторъ поморецъ—согласны во всемъ со святыми; „прилагати же книмъ свое толкованіе коего тамо повелѣнія не написано, не смѣемъ“, а также и „потязанія наводити на ихъ преданія не смѣемъ, свою немощъ познавающе“. Затѣмъ авторъ спрашиваетъ у инако мыслящихъ о томъ, какія у нихъ имѣются древнія основанія въ пользу православія титлы І. Н. Ц. І. Тутъ ему вспоминаются еще доказательства самого Θεодосія Васильева „изъ бѣлорусскихъ польскихъ книгъ“, которыя тотъ приводилъ нѣкогда „во обою бесѣду“ (л. 143) и которыя авторъ письма и разбираетъ. Между прочимъ, какъ на доказательство некомпетентности этихъ книгъ вообще, онъ указываетъ на то, что въ нихъ встрѣчается и имя „Іисусъ“, и слова „во вѣки вѣковъ“. и проповѣдуется обливаніе (л. 144). Словомъ, авторъ письма утѣшается въ концѣ концовъ тѣмъ, что „аще господина дому веельзевула нарекоша кольми паче домашнія его“ (л. 145 обор.)..—Вотъ какое „извѣстіе страннымъ братіи пришедшимъ ради мирнаго состоянія

„отъ древлеправославныя церкви, наипаче древлесоловецкія святыя обители“. Неизвѣстны доказательства Ѳедосѣвскія,—но очевидно они въ глазахъ поморцевъ имѣли цѣну, такъ какъ при заключеніи преній по данному вопросу хотя послѣдніе и не отказались отъ своей практики, однако рѣшеніе соборное было постановлено въ духѣ извѣстной послловицы—„въ чужой монастырь со своимъ уставомъ не ходи“. Именно, было положено, что „аще вѣкія и разныя чины обрящутся, въ томъ другъ съ другомъ разгласія не имѣти: но кому къ кѣмъ прилучится приходить имѣти соглашеніе и распри не чинити“¹⁾. Такимъ образомъ, „въ обычаехъ церковныя службы кѣждо на своихъ предѣлахъ состояти“ былъ оставленъ²⁾.

Больше всего было на соборѣ рѣчей „о титлѣ четверобуквенной за надписаніе Пилатова вновь—какъ говорили поморцы—на крестахъ полагаемой“ Ѳедосѣвцами³⁾. Какъ ни сильно желалъ Игнатій Трофимовъ мира, однако свое вѣрованіе онъ считалъ правымъ и поэтому твердо стоялъ за то, чтобы всѣмъ христіанамъ надписаніе на крестахъ изображать „вмѣсто цѣлыхъ реченій, четырьмя буквами точію, и вмѣсто трехъ языковъ единѣми словенскими исполнити“, называя при этомъ „преступниками Евангелія“ тѣхъ, кто надписываетъ „Ц. С. І. Х. ни-ка“⁴⁾. Къ тому, „чтобы оная—титла четверобуквенная—и отъ Выгорѣцкихъ отцовъ въ часовнѣ

„извѣствуется“ въ примирительномъ письмѣ „по желанію ихъ и другихъ братьевъ въ вѣдѣніе и общесогласное примиреніе“ (л 155 обор—156) заканчивается письмо приглашеніемъ Ѳедосѣвцамъ признать исключительное православіе поморскаго надписанія.

Авторомъ письма является несомнѣнно Андрей Денисовъ.

Отъ содержанія этого письма можно безъ особаго риска заключать и къ едержанію самыхъ бесѣдъ по вопросу о титлѣ Несомнѣнно, приведенныя въ письмѣ „доводы“ обѣихъ сторонъ фигурировали въ значительной своей части и на голько что окончившихся бесѣдахъ Самъ авторъ письма въ одномъ мѣстѣ даетъ это повятъ: увѣряя, что поморцы никакого „своеразсуднаго преданія не приѣмлютъ“. онъ прибавляетъ—„о чемъ премногая древлецерковная святыхъ свидѣтельства и противонестинныхъ нашошеній отвѣтствованія достовѣрная, на бесѣдѣ вашей любви явихомъ“ (л. 156 обор).

1) „Письма“—ркп. О. I, № 358, л 158 обор.

2) Ркп. И. П. В. Q. I. № 1026, л 35

3) „Сказаніе о начъ раздора“. стр 100.

4) „Примирит письмо“—л 123.

была пріята“, онъ прилагалъ различныя „усильствія“ ¹⁾. Между прочимъ, въ качествѣ укоренія поморцамъ онъ выставилъ извѣстное „письмо“ Игнатія Палеостровскаго о титулѣ, которое, какъ основаніе поморцевъ для отверженія четверобуквенной титулы, сильно смущало единовѣрцевъ Игнатія Трофимова ²⁾. Андрей Денисовъ уступилъ и сказалъ: „мы

¹⁾ „Сказаніе о нач. раздора“ .. стр. 100.

²⁾ „Примирительное письмо Игнатія Трофимова“ (ркп Владим. Дух. семинаріи № 75, л. 125 и об и ркп И. П. Б. Q. I, № 1089, л. 33 обор — 34 обор.).

Какъ в „Примирительное письмо 5 Авг. 1727 года“, давнее письмо имѣетъ важное значеніе при опредѣленіи содержанія Выговскихъ бесѣдъ въ первую повѣдку Игнатія Трофимова А потому этотъ малонавѣстный памятникъ нуждается въ нѣкоторомъ освѣщеніи.

Вотъ его текстъ (буквально сходенъ въ обѣихъ указанныхъ рукописяхъ). „Господи Ісусе Христе Сыне Божій помилуй насъ. Вѣдомо буди о семъ, когда были мы на бесѣдѣ у пустынножителей въ 1727 году на той бесѣдѣ воспоминаюся о писмѣ Игнатія старца Палье Острова. Что которое писмо обносится въ християнѣхъ, и о томъ писмѣ случается прія и смущеніе во християнѣхъ Авдрей Діонисіевичъ блаженныя памяти, і со своими братіями, бывшими ту на бесѣдѣ изрекъ о писмѣ ономъ, и говорилъ, что мы его во оправданіе не приводимъ о титулѣ что вилатомъ писано на крестѣ Господнемъ, и тѣмъ не оправдаемъ. но отъ лѣтописныхъ древнихъ крестовъ свидѣтельство приводимъ Такожъ и Θεодосія Васильевича блаженныя памяти писмы, которыя обрѣтаются подъ сомнѣніемъ. Обоиѣ сихъ писма судьбамъ Божиимъ предаваемъ

А страдалцевъ сихъ чтобъ намъ несудити, такожде и писма ихъ не хузнати (?), понеже писано есть, писавый самъ вѣсть опасный ихъ разумъ, но Богу предаваемъ ихъ судити А что которыя люди отъ нашея страны пустынножителіе, что изрекли дерско, или сотворили. того мы не одобряемъ, ниже похваляемъ [Таковъ судъ изданъ бысть на той бесѣдѣ Доздѣ слова Андрея Діонисіевича] Такожде и отъ нашея страны Новгородскія, что дерзостно говорили и не въ чинъ писали, того я мы такожде не одобряемъ, ниже похваляемъ. А которыя впредь будутъ такая своею дерзостію творити, и сихъ вкущъ наказовати И тако Богу молилися, и достойно проговоря, другъ другу прощеніе пріяесли И тако въ мирѣ воспѣвати и славити Бога во вся вѣки, аминъ“

Въ ркп № 1089 этотъ памятникъ приводится съ заглавіемъ „Писмо отца Игнатія Трофимовича“ (л. 33 об.), а въ „Книгѣ отецъ завѣщаній“— „Примирительное письмо Игнатія Трофимовича“ (л. 125) Въ эту „Книгу“ „письмо“ взято „отъ Луки Терентьевича Московскаго“ и предваряется замѣткой: „списано съ соборнаго обоиѣхъ странъ писма“.—Если мы будемъ судить по этой послѣдней замѣткѣ о времени написанія писма то должны будемъ признать, что оно написано въ одно время съ „Примирительнымъ письмомъ“ Андрея Денисова, т е непосредственно послѣ

его во оправданіе не приводимъ о титлѣ, что Пилатомъ писано на крестѣ Господнѣ и тѣмъ не оправдываемся“¹⁾. Игнатій также вынужденъ былъ признать, что и въ творенияхъ Феодосія Васильева есть мнѣнія сомнительныя,—а признавши это, долженъ былъ согласиться со своей стороны на то, чтобы эти „Федосія Васильевича письма, которыя подъ сомнѣніемъ обрѣтаются, Божиимъ судьбамъ предать“ и во оправданіе четверобуквенной титлы не приводить. Вообще „страдальцевъ древнихъ“ съ ихъ писаніями о титлѣ обѣ спорящія стороны довольно либерально рѣшили оставить

бесѣдъ 1727 года. Но содержаніе письма И Трофимова показываетъ ясно, что оно написано значительное время спустя послѣ 1727 года. Бесѣды этого года здѣсь прямо упоминаются, какъ фактъ прошлаго времени. А упоминаніе объ Андреѣ Денисовѣ сопровождается словами „блаженныя памяти“. Послѣдній же умеръ 1 Марта 1730 года. Значитъ письмо Игнатія написано уже послѣ смерти Андрея.

Но оно написано несомнѣнно раньше второй поѣздки Игнатія въ Поморье, которая была въ Январѣ 1731-го, или 1732 года, такъ какъ въ немъ ясно говорится лишь объ одной бесѣдѣ 1727 года. Значитъ оно написано или въ 1730-мъ, или въ 1731 году.

Мѣстомъ написанія этого письма была Польша, такъ какъ Игнатію во вторую свою поѣздку въ Поморье, по свидѣтельству Федора Калныча Даниловскаго (см. „письмо“ послѣдняго въ Москву отъ 1757 г.—ркп И. П. Б. О. I, № 443, на л. 198 обор.), былъ „отпущенъ“ федосѣевскими отцами „исполниши“

Содержаніе письма показываетъ, что Игнатій въ немъ или защищается отъ какихъ то нападокъ на него—за уступку м. б. поморцамъ на бесѣдѣ, убѣждаетъ послѣдовать принятому имъ въ 1727 году миру. Очевидно, такимъ образомъ, что письмо имѣеть въ виду, какъ своихъ адресатовъ, прежде всего—недовольныхъ результатами бесѣдъ 1727 года. А такіе недовольные среди федосѣевцевъ были. „Сказаніе о началѣ раздора“... (стр. 100) говоритъ, что послѣ этой бесѣды (неправильно отнесенной тамъ къ 1719 году) „примиреніе“ Игнатія „не во всѣхъ Феодосѣевыхъ принято бысть, но зѣло малѣйшихъ; множайшіе же не склоняшася пріяты мирныя договоры наче же Новгородстїи, Старорустїи и Московстїи обыватели“ Вотъ одни изъ адресатовъ письма. Естественною цѣлью письма было, въ такомъ случаѣ, склонить и противящихся къ миру. А затѣмъ само письмо свидѣтельствуетъ, что во время его написанія пресловутое „письмо“ Игнатія Палеостровскаго продолжало „обновляться въ христіанѣхъ“ и вызывало среди многихъ изъ нихъ смущеніе. Смущающіеся являются такимъ образомъ тоже адресатами письма. А цѣлью письма по отношенію къ нимъ являлось несомнѣнно ихъ укрѣпленіе.

¹⁾ Ibid.—ркп И П Б. О. I, № 1059, л. 34.

въ покоѣ какъ теперь на бесѣдѣ, такъ и на будущее время. Всѣмъ же тѣмъ изъ „пустынножителей“ поморскихъ и христіанъ „отъ страны Новгородскія“, которые до этого 1727 года „что изрекли дерско“ „или не въ чинъ писали“ за и противъ титлы, соборъ выразилъ свое порицаніе. „То мы не одобряемъ ниже похваляемъ“—заявилъ Андрей Денисовъ.— „И мы такожде не одобряемъ ниже похваляемъ“—подтвердилъ Игнатій Трофимовъ и добавилъ еще: „а которыя будутъ и впредь таковая своею дерзостію творити, и сихъ вкупѣ наказовати“¹⁾.

До сихъ поръ шли доказательства т. е. *ad hominem*. Но затѣмъ, съ продолженіемъ бесѣдъ, пошли и доказательства *ad veritatem*. Спорящіе стали утверждаться „на древнихъ лѣтописныхъ крестахъ“²⁾ и памятникахъ. „Сказаніе о началѣ раздора“ говоритъ, что Андрей Денисовъ доказывалъ „многопремудрымъ доказаніемъ“³⁾, „яко древле Святая Божія Соборная и Апостольская церковь имѣяше на крестѣ Христовѣ надписаніе кромѣ четырехъ буквъ ихъ же за Пилатова написаніе воображаютъ“⁴⁾. Но еедосѣвцы, не отрицая очевидности фактическихъ данныхъ древности поморскаго надписанія, свое надписаніе четверобуквенное основывали главнымъ образомъ на самомъ Евангеліи: „святое Евангеліе повелѣ писати“—говорили они⁵⁾. Хитроумный Андрей быстро справился съ этимъ возраженіемъ еедосѣвцевъ, заявивъ, что хотя дѣйствительно при распятіи Христа и была написана, какъ свидѣтельствуемъ Евангеліе, Пилатомъ титла I. H. C. I., однако въ томъ же Евангеліи „повелѣнія въ предбудущее писати“ ее „ненаписано“. Былъ извѣстнаго рода рискъ для Андрея Денисова въ этомъ его соображеніи— правда хотя лишь формальный. Вѣдь и еедосѣвцы могли съ равнымъ правомъ спросить, кто изъ древнихъ, практико-

¹⁾ Ibid —л. 34 и обор.

²⁾ Ibid.—л. 34.

³⁾ „Сказаніе о нач раздора“ стр 100

⁴⁾ „Примирит. письмо 1727 г“—ркп И П В. О I. № 358, см л. 124

⁵⁾ Ibid. л 137 об. и 138. Изъ этого же письма беремъ и дальнѣйшее

А пророс—Въ литературѣ извѣстно,—почему Феодосій Васильевъ считалъ православною исключительно титлу I. H. C. I. Не это ли было и его основаніемъ, т. е. именно то, что титла I. H. C. I. есть надписаніе первоначальное, санкціонированное Евангеліемъ .

вавшихъ надписаніе Ц. С. І. Х. ни-ка, далъ прямое повелѣніе писать въ будущемъ лишь одно его... Такого вопроса Андрею однако не послѣдовало. Тогда онъ свелъ собесѣдованія опять въ церковно-историческую область и со смиреніемъ, подъ которымъ скрывалось внутреннее торжество, заявилъ, что поморцы, „свою немощь познавающе“ и имѣя такой „облакъ достовѣрныхъ свидѣтельствъ“, не осмѣливаются „изводить“ въ вопросѣ о титлѣ какого-либо новаго мудрованія.

Обѣ стороны находились по отношенію къ дебатлируемому вопросу, какъ видимъ, въ различныхъ плоскостяхъ. Поморцы основывались на древлецерковной практикѣ, а Ѳедосѣвцы на Евангеліи. Основанія у той и другой стороны были серьезныя. Противъ самаго факта, что титла четверобуквенная въ Евангеліи „написана“, поморцы не могли конечно возражать. А для Ѳедосѣвцевъ это было уже плюсомъ. При такомъ положеніи дѣла они несомнѣнно были увѣрены, что для полной побѣды надъ поморцами имъ недостаетъ лишь возможности противопоставить тоже „облакъ“ древнихъ свидѣтельствъ въ пользу титлы І. Н. Ц. І. Поэтому Игнатій Трофимовъ въ существѣ вопроса не уступалъ, „держась твердо правилъ своей Церкви ¹⁾. И всетаки бесѣды шли мирно, мирно были и закончены. Окончательное рѣшеніе вопроса о титлѣ, какъ ясно обѣ стороны видѣли, было пока еще преждевременнымъ, такъ какъ матеріала подъ руками недостаточно. И вотъ участники бесѣды, истощивши свои доказательства, „многоглагольствовати зѣло престаша“ и рѣшили продолжать „обысканіе „древнихъ крестовъ. Твердость Игнатія свои плоды привнесла. Даже поморскіе источники, описывающіе эти бесѣды, говорятъ, что участники бесѣды при окончаніи ихъ „усовѣтовавшѣ положишася о оной титлѣ до обысканія древнихъ крестовъ, доколѣ оная не обрящется, выгорѣдкимъ уступить. Егда же сыщутся съ такимъ надписаніемъ древніе кресты, то бы ихъ въ часовняхъ становити“ ²⁾ „И тако Богу молилися—говорить о

¹⁾ П. Л. „Историч словарь“—„Игнатій Трофимовъ“.

²⁾ „Сказаніе о нач раздора“... стр 100.

Ср. ркп. И. П. Б. Q I. № 1026, л 35 и „Книга отеч. завѣщаній“—ркп Владим Дух. семинаріи № 75, л 187 обор.;—адѣсь говорится, что поморцы „о титлѣ еже ва крестахъ на время имъ (Ѳедосѣвцамъ) усту-

заключеніи бесѣдъ Игнатій Трофимовъ—и Достойно проговоря другъ другу прощеніе принесли и тако въ мирѣ воспѣвати и славити Бога во вся вѣки“¹⁾).

Бесѣды кончились. Отпуская пришельцевъ, отцы Выгорѣцкіе „наградиша“ ихъ „на путь запасомъ коликимъ на потребу“ и опять показывали „дабы таковаго отеческаго праведнаго суда и мѣра не растерзати отнюдь не раздирати а прочія которыя еще недовѣдомыя и въ конецъ вещи аще ясиѣ обышутся, наки бы вкупѣ собратися и праведне и безъ раздора разсмотрити и установити, якоже содержаще издревле Святая Соборная и Апостольская Церковь содержаще“—„И тако разыдохомся“—говоритъ Феодоръ Калинычъ²⁾). Очевидно пріѣхавшіе отправились каждый по своимъ краямъ—Феодоръ Калининъ съ товарищами въ свою Даниловскую землю, а Игнатій Трофимовъ въ Польшу.

„По желанію“ пріѣзжавшихъ „и другихъ братій“ Андрей Денисовъ по окончаніи бесѣдъ—5 Августа—написалъ особое „Примирительное письмо“, въ которомъ, собравъ поморскія доказательства въ пользу надписанія „Ц. С. Г. Х. ни-ка;“ свидѣтельствовалъ, что хотя онъ и впредь будетъ держаться этого надписанія, однако „когда прилучится намъ быти—говоритъ онъ — въ странныхъ христіанѣхъ“, и если при этомъ у нихъ найдется „и тѣла на крестахъ четырьми буквами воображена,—и тѣмъ крестамъ поклоненіе творимъ и инѣмъ поклоненіе совѣтуемъ творити“... И о семъ—продолжаетъ Андрей—вашу братскую любовь молимъ, еже вы потщаніе имѣете, на староцерковныхъ крестахъ подписаніе обыскиваете; благоволите о семъ доброе и боголюбное радѣніе имѣти, якоже соборнѣ въ стоглавѣ Православная Церковь повелѣваетъ святыя иконы и подписанія съ древнихъ переводовъ вообразати, и древлецерковная святыхъ извѣстная начертанія во образецъ и во свидѣтельство возимѣти. А отъ новиковъ соединенія, отъ нихъ

пиша“.—Ср в „Кратк ист. о соблазнахъ еоод согласія“—рки. И П Б О. I, № 443, л 155. „аще же ститлами онѣмъ крестамъ поклонятися чаписаша, и въ протчахъ нѣкихъ имъ уступиша, и сіе смотрительно и обыскавія ради имъ довремени позволиша“

¹⁾ „Письмо Игн. Трофимова“—рки И П, Б. Q I, № 1089, л 34 обор

²⁾ „Письмо Ф. К въ Москву“—рки И. П Б О I № 443, л 192 и обор

же **мы** всякихъ тайнодѣйствій опасаемся: состроенныхъ отъ нихъ иконныхъ и крестныхъ начертаній, и на нихъ подписанія, чтобъ какимъ невѣдѣніемъ намъ во свидѣтельство и во образецъ не пріяти и подѣ преданіемъ имъ не быти“ ¹⁾.

П. Густиневъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Рип. И. П. Б. О. I, 358, лл. 156—159.

— Едва ли имѣлъ въ виду Игнатій то истолкованіе его мира 1727 года, которое было сдѣлано впоследствии—въ 1791 году—его Московскими единовѣрцами. На соборѣ 19 Февраля, отступая отъ Пилатовой титлы, они писали: „Прежнія же поморскія и наша страны отцы и учителя, съ титлою кресту поклонялися и другихъ не отлучали. Но сіе было поущеніе до конечнаго осмотрѣнія, тѣмъ и до времени обысканія оней примиренія ради другъ другу смотрительное дѣлали терпѣніе, мнимъ, предзря будущую всенародную христіанскую ползу, и церковное въ той исправленіе, еже отъ помощи Вышняго и с'бьется во время свое“ (Книга отецъ завѣщаній—рип. Владим. Дух. семин. № 75, гл. 12, л. 117).— „Предзрѣлъ“ конечно Игнатій въ душѣ, но не такую „ползу“ и „исправленіе“,—т. е. не отступленіе своихъ, а приложеніе поморцевъ къ практикѣ едосѣвской